

М. П. Погодин

**Борьба не на живот, а на
смерть, с новыми
историческими ересями**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
М11

М11 **М. П. Погодин**
Борьба не на живот, а на смерть, с новыми историческими ересями / М. П.
Погодин – М.: Книга по Требованию, 2022. – 412 с.

ISBN 978-5-458-00895-2

ISBN 978-5-458-00895-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ

Издавая нынѣ книгой свои разборы статей г. Костомарова о Русской Исторіи, считаю нужнымъ, особенно имѣя въ виду его послѣдній отвѣтъ на мою рецензію „Русской Исторіи въ жизнеописаніяхъ главныхъ ея дѣятелей,„ (*) объясниться предъ читателями о моихъ отношеніяхъ къ автору.

Имя его я узналъ въ сороковыхъ годахъ прежде всего отъ покойнаго преосвященнаго Иннокентія, котораго спрашивалъ, почему онъ не одобрилъ магистерской диссертациі г. Костомарова. Прошло нѣсколько лѣтъ. Онъ напечаталъ сочиненіе подъ заглавіемъ: *Богданъ Хмельницкій*, прочтенное мною съ удовольствіемъ, и я порадовался появленію новаго историческаго таланта. Потомъ, плыви на пароходѣ по Волгѣ, я прочелъ другое его сочиненіе: *Стенька Разинъ*, и первое благоприятное впечатлѣніе укрѣпилось. Въ пятидесятыхъ годахъ издалъ я разсужденіе о томъ, былъ ли Борисъ Годуновъ основателемъ у насъ крѣпостнаго права, на которое г. Костомаровъ напечаталъ свои замѣчанія, принятыя мною съ благодарностію. (*)

Вскорѣ онъ занялъ кафедру Русской Исторіи въ Петербургскомъ университетѣ, и во вступительной своей лекціи распространился о важности моихъ изслѣдованій такъ, что ректоръ тогдашній, добрый П. А.

(*) Вѣстникъ Европы, 1874, Февраль.

(*) Вотъ въ какихъ выраженіяхъ говорилъ обо мнѣ г. Костомаровъ въ этихъ замѣчаніяхъ:

«Странно, что такой глубокой знатокъ нашей старины, какъ г. Погодинъ, находитъ толковитость отличительнымъ качествомъ нашей администраціи и дѣлопроизводства».

Плетневъ, желая, разумѣется, доставить мнѣ удовольствіе, извѣстилъ меня, какими похвалами моихъ трудовъ огласились стѣны Петербургскаго университета, и пр.

Въ 1860 году г. Костомаровъ напечаталъ въ *Современникѣ* разсужденіе о Литовскомъ происхожденіи Руси (*). Сознвая великую важность вопроса о происхожденіи для нашей исторіи, дойдя до твердыхъ убѣжденій, я не могъ оставить Литовскаго мнѣнія безъ опроверженія, но считая его въ высшей степени неосновательнымъ, чтобы не придавать ему важности, написалъ статью объ немъ въ полушутливомъ тонѣ, заключая вызовомъ на диспутъ. (*)

Диспутъ нашъ, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, о которыхъ любопытные могутъ прочесть въ современныхъ журналахъ и газетахъ, долженъ былъ принять особый характеръ и имѣть въ виду болѣе публику чѣмъ науку.

Мы сговорились предварительно: я сообщилъ г. Костомарову свои замѣчанія, а онъ мнѣ свои отвѣты. Мы уравнивали взаимныя возраженія, сдѣлали нѣсколько репетицій, и на публичное преніе отправились въ одномъ экипажѣ.

Г. Костомарова я не считалъ причастнымъ къ разнымъ продѣлкамъ, на диспутѣ и послѣ въ журналахъ, и мы разстались въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

«Никто изъ самыхъ глубокихъ знатоковъ нашей старины, и даже самъ г. Погодинъ, за которыми признаемъ въ ряду ихъ почетное мѣсто первенства, не въ силахъ, единственно по внѣшности слога и выраженій, отличить подложную бумагу, составленную дьякомъ XVII в. отъ подлинной официальной того же времени».

Это было говорено въ пятидесятыхъ годахъ, (употребляю эти слова г-на К. разумѣется какъ оружіе противъ него), а вѣдь съ тѣхъ поръ я не разучился, а продолжалъ учиться безпрестанно: почему же теперь г. Костомаровъ не принимаетъ моихъ словъ во вниманіе?

(*) Онъ прислалъ мнѣ экземпляръ на велевой бумагѣ съ надписью: Въ знакъ глубочайшаго уваженія отъ автора. 1860 г., марта 10-го. С -Петербургъ.

(*) См. ниже с. 157.

Читатели могут прочесть въ тогдашней Бесѣдѣ обстоятельное описаніе всего этого эпизода.

Статья о Сусанинѣ, въ которой отвергалось его самопожертвованіе для спасенія вновь избраннаго царя Михаила Романова, напечатанная въскорѣ г. Костомаровымъ, мнѣ очень не понравилась: я увидѣлъ автора съ новой стороны, но промолчалъ о ней, потому что статья была основательно разобрана г. Соловьевымъ въ *Русскій Ръчи*.

Въ 1864 году г. Костомаровъ напечаталъ въ академическомъ календарѣ статью: *Куликовская битва*, въ коей доказывалъ трусость и неблагородство Дмитрія Донскаго. Я написалъ ему отвѣтъ, и старался опровергнуть всѣ его разсужденія подлинными свидѣтельствами историческими, заключивъ свою статью слѣдующими словами: „Если правда что *le ton fait la musique*, то скажу вамъ откровенно, что *вашъ тонъ вообще мнѣ не нравится*. Передавая часто даже сказочныя подробности, вы или опускаете обстоятельства, которые служатъ къ характеристикѣ событія, или размѣщаете ихъ не такъ какъ слѣдуетъ, и насилуете въ худую сторону, а не въ хорошую.“ (*)

Вотъ еще когда я началъ указывать г. Костомарову на кривое направленіе его трудовъ!

Г. Костомаровъ не только не сознался, но продолжалъ настаивать: „Я думаю“, сказалъ онъ, между прочимъ, „что вовсе не обязанъ въ сужденіяхъ о Дмитріи Донскомъ наблюдать больше осторожности чѣмъ въ сужденіяхъ объ Ягайлѣ и Мамаѣ.“ Я отвѣчалъ: „Жалю о васъ и скорблю о такомъ настроеніи души. Съ такимъ настроеніемъ совѣтую вамъ писать только о Ягайлѣ и Мамаѣ, пожалуй о Виговскомъ и Мазепѣ, но оставить въ покоѣ нашего Дмитрія Донскаго, Александра Невскаго, Минина, Сусанина и прочія любезныя Русскія имена. Въ исцѣленіе отъ подобныхъ правилъ молодымъ людямъ совѣтую читать и перечитывать Карамзина, который надолго еще долженъ оставаться нашимъ учителемъ, какъ и идеаломъ Рус-

(*) Смотри ниже с. 107.

скаго гражданина. Не только историкъ, но всякій честный человекъ долженъ „гнушаться“ иныхъ понятій (*).

Состязаніе продолжалось въ пріязненныхъ отношеніяхъ, но образъ обхожденія г. Костомарова съ историческими памятниками становился мнѣ противнымъ, что я объяснилъ ему откровенно и заключилъ журнальную статью такъ: Но довольно, чувствую я что начинаю „сердиться ребячески“... (**) младенчески, и, пожалуй, хоть старчески, однимъ словомъ, всячески. До прохлажденія!... Вы сказали ваше мнѣніе, я сказалъ свое. Пускай судятъ читатели, а то вѣдь чѣмъ больше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Слово за слово, мы, пожалуй, и поссоримся, а я ссориться ни съ кѣмъ, тѣмъ болѣе съ вами; не хочу, считая васъ предателемъ только въ смыслѣ италіанской половицы: *traductore-traditore!* (*)

Читатели видятъ здѣсь постепенность моихъ сужденій о трудахъ г. Костомарова.

Въ 1871 году онъ напечаталъ въ *Вѣстникѣ Европы* статью: *Личности смутнаго времени*, гдѣ онъ смѣшалъ ихъ чуть не съ грязью, и я началъ разбирать его статью въ *Гражданинѣ* слѣдующими словами, все еще не враждебными: „на долгомъ моемъ вѣку пришлось мнѣ вести „тридцатилѣтнюю войну“ съ покойнымъ Каченовскимъ... А съ вами, почтенный Николай Ивановичъ, видно обреченъ я на семилѣтнюю“. Я не считаю впрочемъ того *полн*, гдѣ бился по-пріятельски,

(*) Это слово употреблено въ отвѣтъ на слова г. Костомарова, который сказалъ о стихахъ Пушкина:

Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже

Насъ возвышающій обманъ.

«что не только историкъ, но всякій честный человекъ долженъ гнушаться такими понятіями».

Не мѣсто входить здѣсь въ разсужденіе объ этихъ понятіяхъ, но едва ли онѣ не лучше, напримѣръ, такихъ:

Тьмы высшихъ истинъ мнѣ дороже,

Насъ унижающій обманъ.

(**) Выраженіе, употребленное г. Костомаровымъ: «Я не могу такъ ребячески обращаться съ исторіей», говорилъ онъ мнѣ, «чтобы сердаться на историческія лица!»

(*) См. ниже с. 136.

въ 1860 году, противъ Литовскаго происхожденія, потому что видѣль здѣсь съ вашей стороны только историческій парадоксъ, къ какимъ под-часъ бываетъ склонна наша братія... Семилѣтняя война должна считаться собственно съ вашей статьи о *Димитрѣ Донскомъ* (1864). Но вотъ вы хотите отнять у насъ теперь Скопина-Шуйскаго, смѣшиваете съ дюжинною грязью Пожарскаго, набрасываете позорные тѣни на Минина, и продолжаете доколачивать послѣ Поляковъ несчастнаго Сусанина! Оставлять на минуту безъ возраженія такія непостижимыя выходки съ *несчастной точки, вами въ недоброй часъ выбранной*, для насъ, Русскихъ, было бы стыдно! Съ кѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, мы останемся: съ Заруцкимъ, Котошихинимъ, Мазепою?

Я заключилъ эту статью словами: „Я уважаю талантъ (г. Костомарова), сравнительно съ другими, и глубоко сожалею о *той дурной, шаткой почкѣ, съ которой онъ производитъ свои критическія наблюденія, и которая подъ нимъ странно колеблется*“.

По оборонѣ Скопина, прежде нежели случилось мнѣ приняться за Пожарскаго, г. Забѣлинъ напечаталъ прекрасную статью противъ г. Костомарова о Пожарскомъ и Мининѣ, и я счелъ продолженіе своей статьи не нужнымъ, но г. Костомаровъ не унялся и продолжалъ настаивать на своемъ мнѣніи. Тогда я написалъ опроверженіе, сперва за Пожарскаго, а потомъ и за Минина.

Разборы эти печатались вродолженіи двухъ лѣтъ, потому что, имѣя постоянныя занятія, я могъ посвящать имъ по нѣскольку часовъ исподоволь. Последняя статья за Сусанина совпала съ появленіемъ *Русской Исторіи* г. Костомарова, которая окончательно вооружила меня противъ него, и я написалъ о первомъ выпускѣ двѣ статьи, вызвавшія его отвѣтъ.

Г. Костомаровъ начинаетъ его слѣдующими словами: „г. Погодину угодно было избрать меня своею спеціальностію въ последнее время“ (стр. 465).

Спеціальность моя есть Русская Исторія, и въ продолженіи всей моей ученой и литературной жизни я считалъ своею обязанностію подавать голосъ почти обо всѣхъ значительныхъ явленіяхъ въ исторической

литературѣ, значительныхъ по себѣ или по отношеніямъ. Такъ воевалъ я съ Каченовскимъ, противъ его козарства, за подлинность договоровъ Олега, Игоря и Святослава, за Русскую Правду, за достовѣрность древней Русской исторіи и пр. Такъ точно, безъ всякихъ околичностей, ратовалъ я противъ родоваго быта гг. Соловьева и Кавелина, противъ старшинства, какъ причины междоусобныхъ войнъ, противъ раздѣлія городовъ древнихъ и новыхъ, за значеніе удѣловъ, за важность Татарскаго вліянія, и пр., и мирясь съ новой *Исторіей Россіи*, въ каждомъ томѣ которой нахожу новыя, любопытныя, неизвѣстныя для меня свѣдѣнія, остаюсь непримиримымъ врагомъ его древней и средней.

По тѣмъ же побужденіямъ разбиралъ я почтенный трудъ г. Гедеонова, и говорилъ о разсужденіи пр. Хвольсона.

Вотъ и теперь — я люблю, уважаю и считаю себя даже одолженнымъ г. Иловайскому за его искреннее расположеніе, доказанное мнѣ при разныхъ случаяхъ, но протестую противъ его ереси. Полемику въ этомъ смыслѣ, по обстоятельствамъ нашего времени, я считаю частію моей ученой службы.

Г. Костомаровъ приписываетъ моимъ разборамъ особыя цѣли: смѣю увѣрить его, что цѣлями у меня было только — оборонить Русскую Исторію, съ славными ея дѣятелями, для насъ любезными, отъ дерзкихъ нападокъ моды и легкомыслія, указать на ея драгоценные источники, вразумить читателей о несостоятельности новыхъ толковъ; предохранить учащуюся молодежь отъ ложнаго ученія, на основаніи подлинныхъ историческихъ свидѣтельствъ, и напомнить непреложныя правила здравой критики, о которой у насъ теперь много говорятъ, и мало думаютъ.

Далѣе, г. Костомаровъ, сворачивая; — употреблю его выраженіе, — съ прямой ученой дороги на кривую, принимаетъ видъ угнетенной якобы невинности, пропускаетъ всѣ мои изслѣдованія и доказательства, какъ будто бы ихъ не было (а они вотъ занимаютъ 20 слишкомъ печатныхъ листовъ), и утверждаетъ: „отвѣчая г. Погодину, мнѣ приходилось бы говорить: я не го-

ворилъ этого, я не такъ сказалъ это, я не въ томъ смыслѣ выразился“.

Нѣтъ! какъ ни будете вы оборачиваться, никакъ не сможете затмить смыслъ, слишкомъ осязательный и очевидный, вашихъ положеній, противъ которыхъ только и обращена была моя полемика; никакъ не можете успѣшно отпереться отъ своихъ доказательствъ, что

Димитрій Донской былъ *трусъ* (побѣжалъ въ лѣсъ, запрятался подъ срубленное дерево, и тамъ улегся чуть не безъ чувствъ, стр. 21) и... и *человѣкъ неблагогородный* (любимаго боярина не пожалѣлъ отдать на опасность за себя самого, стр. 23).

Скопинъ — лицо *тусклое* и *двусмысленное*. (*Вѣстникъ Европы*, 1871. Юнь, стр. 499, 500 и пр.).

Пожарскій — *человѣкъ совершенно рядовой, дюжинный*, одинъ изъ многихъ (*ibid*, стр. 515. 1872 г., Сентябрь, стр. 31).

Мининъ — какими гнусными чертами надѣляетъ Минина г. Костомаровъ, выговорить противно (*).

Сусанинъ — *мнѣъ*. (*Историческія монографіи*, т. I, стр. 453; *Вѣстникъ Европы* 1871, стр. 527 и пр.).

Мономахъ — *себѣ на умѣ*. (*Исторія*, стр. 76).

Василько — *ослѣпленный* — никто не поручится, былъ ли „на самомъ дѣлѣ лучше *ослѣпителей*“. (*Вѣстникъ Европы*, 1874, январь, стр. 427.).

Андрей Боголюбскій — „отягощаль народъ поборами чрезъ своихъ посадниковъ и тиуновъ, и по произволу казилъ смертію всякаго кого хотѣлъ... Какъ видно, часъ отъ часу становился *больше и больше жестокимъ*“ (*Исторія*, стр. 89).

Вся первые князья до Владимира — *разбойники, грабители, атаманы разбойниковъ*. (*Вѣстникъ Европы*, 1870 г., январь, стр. 9, 10, 11 и пр. *Исторія*, стр. 3 и пр.).

Наконецъ вся Русская Исторія сравнена съ *Агисовой конюшнею*. (*Вѣстникъ Европы*, 1871 г., юнь, с. 527.).

Эти положенія составляютъ сущность разобранныхъ мною статей г. Костомарова.

Осужденія и осужденія, — одно другаго сильнѣе, тяжеле! Пятна и пятна, — одно другаго чернѣе!

(*) См. стр. 73, 81.

Правъ ли я былъ, говоря о его расположеніи толковать все въ худую сторону, искать черныхъ пятенъ и т. под.? Какъ же назвать разобранныя статьи и сочиненія? Воля г. Костомарова, а панегириками никто ихъ не назоветъ, пасквилями же имѣеть право назвать всякій, имѣющій мало-мальское понятіе о Русской исторіи и ея источникахъ.

И между тѣмъ всѣ его доказательства не выдерживаютъ критики самой снисходительной, въ чемъ легко теперь убѣдиться безпристрастнымъ, нейтральнымъ читателямъ, изъ моихъ изслѣдованій, основанныхъ на лѣтописяхъ, грамотахъ, — на источникахъ своихъ и иностранныхъ.

Исторія моихъ отношеній къ г. Костомарову находится теперь сполна, такъ-сказать, предъ глазами читателей, и они увидятъ, что я съ самаго начала говорилъ съ нимъ однимъ языкомъ, указывалъ ему, и осуждалъ ту точку на которую онъ становился, — подавалъ искренніе совѣты.

И я ли одинъ это дѣлалъ? Вотъ напримѣръ *Всемирная Иллюстрація*, ставя слишкомъ высоко г. Костомарова, и величая его знаменитымъ историкомъ, отзывается объ его направленіи (1871) такимъ образомъ: „Отрицательно-критическое направленіе положительно заѣдаетъ еѣ могучій и прекрасный талантъ“.

„Отъ всѣхъ этихъ развѣнчиваній дѣятелей русской древней исторіи такъ и вѣетъ именно какою-то предвзятою мыслию“.

„Досадно думать что этотъ дѣланный отрицательный взглядъ мѣшаетъ ученому профессору“ и пр.

Тонъ мой возвышался постепенно, по мѣрѣ выходокъ г. Костомарова, и достигъ наконецъ до высшей точки негодованія при чтеніи *Русской Исторіи*, назначенной для чтенія юношеству, и прославленной Петербургскими журналами какъ нѣчто идеальное.

Г. Костомарову угодно назвать мои рецензіи полицейскими. Въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ петербургскихъ изданіяхъ вошло въ обычай, за неимѣніемъ лучшихъ доказательствъ, отдѣлываться отъ отвѣтовъ на предлагаемыя замѣчанія обвиненіемъ въ доносахъ. Если нечего отвѣчать, то уличаемые

начинають жаловаться на доносы, и объявляютъ, что не хотять изъ-за нихъ, не могутъ состязаться. Дѣйствительно, еслибы въ Управѣ Благочинія былъ департаментъ по дѣламъ историко-критическимъ, то ему исключительно принадлежала бы расправа съ подобными выходками, исполненными напраслины и клеветы на исторію. Но тамъ, слава Богу, нѣтъ такого департамента, и мы можемъ говорить и судить о Рюрикѣ, Мономахѣ *et tutti-quant*, какъ угодно. Это право ограничивается однакоже законами критики и требованіями здраваго смысла: голословныя или пристрастныя обвиненія терпимы быть не могутъ и безъ полиціи. Долгъ всякаго служителя исторіи обнаруживать невѣрныя положенія, и пресѣкать вредныя ихъ дѣйствія въ дѣлѣ изученія исторіи, что я и старался исполнить, основываясь на историческихъ документахъ, и потому напрасно укрывается г. Костомаровъ подъ защиту полицейскаго парадокса, будто въ статьяхъ моихъ я больше всего толкую о неблагонамѣренности его, о недостаткѣ патриотизма, о неуваженіи къ доблестямъ историческихъ лицъ и пр. Если же самъ г. Костомаровъ видитъ въ результатахъ моихъ изслѣдованій и замѣчаній на его статьи такіе приговоры, то это уже не моя вина.

—

Въ дополненіе предложенныхъ мною доказательствъ о духѣ и направленіи его изслѣдованій о первомъ періодѣ, — вотъ его характеристика древней дружины, которая, за излишкомъ матеріаловъ, не попала въ мои прежнія статьи, но въ которой всего осязательнѣе выразился авторъ.

Извѣстна сказка, помѣщенная въ лѣтописи, о мщеніи Ольги надъ Древлянами, убившими мучительно ея мужа Игоря. Какое же употребленіе дѣлаетъ изъ нея г. Костомаровъ? Никто этому не повѣрилъ бы, еслибъ это не было напечатано. Онъ говоритъ:

«Это сказаніе имѣетъ для насъ особенную важность въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ вообще любимыя народомъ пѣснопѣнія, сказанія и воспоминанія отражаютъ и духовное состояніе этого народа. Ольга была лицо уважаемое въ воспоми-

нанія народа, «мудрѣйшая всѣхъ челоуѣкъ», какъ отозвались объ ней Кіевляне при ея ввукѣ. И какъ же сложилось языческое представление объ этой идеальной личности? Это — типъ коварства и кровожадности. Мало того, что Ольга жестока и безжалостна; она съ особеннымъ злорадствомъ наслаждается мщеніемъ надъ безоружными, обреченными на погибель врагами. Ей доставляетъ утѣшеніе не только погубить ихъ, и при томъ самымъ мучительнымъ образомъ, живьемъ зарывая въ землю, или сожигая огнемъ, — она еще предъ ихъ погибелью ставитъ ихъ въ комическое положеніе и заставляетъ, (?) сидя въ лодкѣ, всенародно кривляться и величаться (въ перегибѣхъ и сустугѣхъ)?? на посмѣваніе Кіевлянамъ, а потомъ, когда ихъ бросили въ яму, она сама подходитъ къ этой ямѣ и спрашиваетъ: хороша ли вамъ честь? Трупы и огонь, и опять огонь и трупы, и наконецъ пораженіе цѣлаго края! Для Ольги не существуетъ ни великодушій, ни договора, ни обѣщаній! Идеалъ самый дикій, самый варварскій; и по этому идеалу мы можемъ себѣ вообразить, какова была та звѣрская разбойничья шайка, которая создавала себѣ такіе поэтическіе образы и наслаждалась ими.

На сказкѣ г. Костомаровъ основываетъ жесточайшій приговоръ цѣлому обществу, дружинѣ, интеллигенціи, какъ говорятъ нынѣ, среди коей слагались пѣсноиѣнія: „какова была та звѣрская разбойничья шайка“, восклицаетъ онъ, „которая создавала себѣ такіа *поэтическия* образы и наслаждалась ими!“ Г. Костомаровъ предполагаетъ такое разсужденіе Современниковъ: Ольга самое мудрое, идеальное лице въ памяти народа. Какъ бы похвалить ее и прославить посильнѣе? Какія черты выбрать для изображенія идеала? И вотъ среди передовыхъ людей слагается объ ней преданіе, приписываются ей дѣла. Каковъ же этотъ народъ, который видитъ идеалъ свой въ подобныхъ дѣлахъ?

Кажется не нужно прибавлять ничего къ этимъ *изумительнымъ* разсужденіямъ. Г. Костомаровъ какъ будто не читалъ ни въ какихъ Европейскихъ лѣтописяхъ ничего подобнаго о дѣйствіяхъ мщенія. Почему же несчастная сказка объ Ольгѣ, которая даже, очевидно, есть происхожденія Норманскаго, и встрѣчается отчасти у Снорре-Стурлезона, возбуждаетъ въ немъ такое негодованіе? Почему извлекаетъ онъ изъ нея такіа страшныя, позорныя заключенія, когда онѣ могутъ выводиться изъ всякой стра-